

Вот мы целый век сокрушались о себе, что народ — компилятивный, подражательный, — заучившийся иностранцами до последнего, — и ничего решительно не умеющий произвести оригинального из себя самого. И никто, кажется, не сокрушался более об отсутствии самобытности у русского народа, как я сам. Пришла революция, и я подумал: «Ну вот, наконец пришла пора самому делать, творить. Теперь русского народа никто не удерживает. Слезай с полатей, Илья Муромец, и шагай по сту верст в день».

И все три месяца, как революция, я тороплюсь и тороплюсь, даже против своего обыкновения. Пишу и письма, утешаю других, стараюсь и себя утешить. Звоню тоже по телефону. Но ответы мне — хуже отчаяния. О Нестерове один литературный друг написал мне, что он было окончил огромное новое полотно с крестным ходом, в средоточии которого — царь и патриарх, дальше — народ, городовые, березки, — и вот что же теперь с такою темою делать, кому она нужна, кто на такую картину пойдет смотреть. Сам друг мой[1 - сам друг мой — П. П. Перцов.] сперва было очень о революции утешавшийся и поставивший в заголовке восторженного письма: «3-й день Русской Республики», со времен приезда в Петроград Ленина — весь погас и предрекает только черное. «Потому что ничего не делается и все как парализовано». По телефону тоже звонят, что «ничего не делается и последняя уже надежда на Керенского». Керенского, как известно, уже подозревают в диктаторских намерениях, а брошюрки на Невском зовут его «сыном русской революции». Он очень красив. Керенский много ездит и говорит, но не стреляет; и в положении «нестрелятеля» не напоминает ни Наполеона, ни диктатора.

Как это сказал когда-то митрополит Филипп, взглянув в Успенском соборе на Иоанна Грозного и на стоящих вокруг него опричников, в известном наряде: кафтан, бердыш, метла и собачья голова у пояса. Митрополит остановился перед царем и изрек: «В сем одеянии[2 - «В сем одеянии...» — Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. IX, гл. 2.] странном не узнаю Царя Православного и не узнаю русских людей». Нельзя же обратить внимания, что все мы, после начальных дней революции, как будто не узнаем лица ее, не узнаем ее естественного продолжения, не узнаем каких-то странных и почти нетерпеливых собственных ожиданий, и именно мы думаем: «Отчего она не имеет грозного лица, вот как у былого Грозного Царя и у его опричников». Мы не видим «метлы» и «собачьей головы» и поражены удивлением, даже смущением. Даже — почти недовольством. Как будто мы думаем, со страхом, но и с затаенным восхищением: «Революция должна кусать и рвать». «Революция должна наказывать». И мы почти желаем увеличения беспорядков, чтобы, наконец, революция и революционное правительство кого-нибудь наказало и через то проявило лицо свое.

Чтобы все было по-обыкновенному, по-революционному. «А то у нас — не как у других», и это оскорбляет в нас дух европеизма и образованности.

Между тем нельзя не сказать, что революционные преступления у нас как-то слабы. Самый отвратительный поступок было дебоширство солдат где-то в Самарской губернии, на железной дороге, где эти солдаты избили невинного начальника станции, и избили так, что он умер. Их не наказали, не осудили и не засудили. По крайней мере, об этом не писали. И еще избили также отвратительно, по наговору какой-то мешанки, священника, но, к счастью, не убили. Это писали откуда-то издалека, с Волги. Затем — «Кирсановская республика», «Шлиссельбургская республика» и «отложившийся от России Кронштадт», с его безобразной бессудностью над офицерами и негодными матросами[3 - безобразная бессудность над офицерами и негодными матросами — речь идет о расправах революционных матросов над адмиралом Р. К. Виреном и флотскими офицерами в феврале-марте 1917 г.]. Но если мы припомним около этого буржуазную Вандею, если припомним «своеобразие» опричнины, припомним «наяды», т. е. революционные баржи, куда засаживали невинно обвиненных и, вывозя на середину Роны[4 - на середину Роны — На Роне стоит Лион, где во время Великой французской революции свирепствовал якобинский террор; потоплениями заключенных были известны власти Нанта, находящегося на Луаре.], — топили всех и массою, то сравнивая с этими эксцессами и злобою свои русские дела, творящиеся, собственно, при полном безначалии, мы будем поражены кротостью, мирностью и до известной степени идилличностью русских событий. Мне хочется вообще с этим разобраться, об этом объяснить, этому привести аналогии и литературные примеры, а также исторические и этнографические параллели и прецеденты. Я шел вчера по улице: на углу Садовой и Невского — моментально митинг. И вот две барыни накидываются на рабочих и солдат, что они «все болтают, а ничего не работают». Еще раз, в трамвае, одна дама резко сказала рядом сидевшим солдатам: «Вы губите Россию безобразиями и неповиновениями». Солдаты молчали, ничего не возразили, очевидно признавая правоту или долю основательности слов. Вообще я не замечаю нисколько подавленности или робости в отношении рабочих и солдат. Это было только в первые испуганные дни революции, — но затем от обывателя пошла критика, и она говорится прямо в лицо, и это, конечно, хорошо и нужно, без этого нет правды, и без этого осталась бы величайшая опасность, как во всякой социальной гжи. Но разберемся. Для социальной жизни, как и для личной жизни, существуют те же заповеди, из которых главная:

— Не убий.

— Не прелюбы сотвори.

— Не укради.

— Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

Ну и так далее. Вечное десятисловие. И мы по нему измеряем качество не только личной жизни, но и жизни общественной, жизни, наконец, исторической. Бывают отвратительные эпохи. Какова была эпоха Римской империи — Тацита и Тиверия? Да и наша времен ли Грозного, бремени ли Бирона. Ну и наконец, грозные эпохи французской революции, жакерии во Франции, пугачевщины и Степана Разина на Волге. Вспомним слова Пушкина о «русском бессмысленном и жестоком бунте»[5 - «русский бессмысленный и жестокий бунт» — А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XIII.], которые действительно оправдываются веками былыми. И вот нельзя же констатировать, что по части этих всех «заповедаи» скорее дело обстоит неблагополучно в теории, в тех раздающихся лозунгах, которые созданы десятилетиями нашей неосторожной литературы, нежели в действительности.

Вообще, тут для разбора чрезвычайно мало материала. Революция снизошла на землю как-то вдруг, — чуть удерживаюсь сказать привычный церковный термин «но благодати». «Вчера ничего не было — сегодня все случилось». Вчера не плакали, вчера все звали

ожиданию. Звали, требовали. И когда она пришла и преуспела, вдруг многие заплакала потому что она не совсем идет так, как ожидалось.

По мне, кажется, было безумие слов скорее за 50 лет проповеди революции, нежели при теперешнем ее осуществлении. Напомню чигиринское дело в 70-х годах прошлого века. В местечке около Чигирина крестьяне восстали против помещиков действуя под влиянием подложных революционных манифестом изданных будто бы от имени царя и предлагавших крестьянам отбирать от помещиков земли, так как же — де помещики противятся воле царя, который хочет крестьянам отдать все земли, да дворяне не допускают его до этого. Крестьяне восстали, затем были усмирены и претерпели. Но сколько же было революционной радости об этом волнении крестьян, попытке крестьян. Сколько сожалений, что дело не удалось, что пожар не охватил всю Россию. И вот читаешь об этом в «Былом» эпохи Бурцева и Богучарского[6 - «Былом» эпохи Бурцева и Богучарского — журнал «Былое», посвященный истории русского освободительного движения, издавался в 1900–1904, 1908–1913 гг. за границей и в 1906–1907, 1917 гг. в России. В 1906 г., в № 12 в нем были напечатаны материалы о «чигиринском деле» (в это время журнал редактировался В. Л. Бурцевым, В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым): попытке землевольцев Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча и др. поднять крестьянское восстание, воспользовавшись подложным царским указом (1877)]. Слова сказаны, произнесены. «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь».

О чем же теперь, когда творится неизмеримо меньшее, творится как эксцесс и случай, никем не одобряемый, творится как исключение» а не как правило» — плачутся и сожалеют главы правительства, социалисты? Почему теперь этого не хотят Церетели, Пешехонов, «министры земледелия» и прочее, когда раньше хотели? «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». А «слово»-то уже «выпущено». Как винить толпу, которая слушает. И естественно, громадная масса толпы слушает заключительные слова теории, а вовсе не сложную ткань теории, — как в богословии христианин знает заключительные слова Евангелия о любви к ближнему и Богу, а не может разобраться и не умеет разобраться во всем богословии.

Мысль моя заключается в той очевидности, что революция наша идет не только не неизменнее, но она идет гораздо чище и лучше, нежели шла целых шестьдесят лет теория революции.

Вот это-то и не принимается во внимание. «Воробей слова» был гораздо гниlostнее, нежели «пугало действительности». Действительность все-таки делает поправку в десяти заповедях. Не полную поправку, я не говорю: но здравый смысл населения останавливается все-таки перед прямыми указаниями — «прелюбодействуй» и «воруй». А мы, еще с гимназии, прошли школу, прошли и, главное, заучили на память — и «Что делать?» Чернышевского, и Прудона с его лозунгом или, вернее, с его умозаключением к сложным политико-экономическим теориям, что «всякая собственность»[7 - «всякая собственность...» — основной тезис известного сочинения Прудона «Что такое собственность?» (1840).] есть, собственно говоря, — кража».

Это узнал я в 4-м классе гимназии, когда прочел у Лассалья статью «Железный закон»[8 - «Железный закон» — Железный закон заработной платы, по которому заработная плата определяется минимумом средств существования, необходимых для поддержания жизни работника и его семьи, приобрел популярность в изложении Ф. Лассалья, например, в его «Гласном ответе Центральному Комитету» (1863)]. И, помню, с таким отчаянием ходил по нагорному берегу Волги, в Нижнем, под огненным действием этой статьи. Оно было огненное, это действие. К Лассалю присоединялось действие романа Шпильгагена «Один в поле не воин», с его героической и гибнущей личностью Лео Гутмана[9 - Лео Гутмана — Прообразом героя романа Ф. Шпильгагена «В строю» (1866), который стал известен в России под заглавием «Один в поле не воин», считается Ф. Лассаль.] («Гутман» — «хороший человек» по-немецки). Все рабочие, все трудовое человечество представлялось затиснутым в тиски заработной платы, спроса и предложения и системы косвенных налогов, — так что, в изложении Лассалья, не оставляя никакой надежды на улучшение и облегчение путем нормального хода истории, и можно было чего-нибудь ждать просто от разлома истории, от бунта, от революции и насилия.

Буржуазия, тоже фатально и роковым образом для себя сложившаяся, тоже виновная и без вины, кроме естественного желания себе «прибылей», тем не менее сидела пауком над народом, высасывающим все соки из него просто по какой-то зоологическо-экономической натуре и по зоологическо-экономическому своему положению.

«Так устроено», тоже чуть ли не «по благодати»: и революция была единственной зарею, которая обещала сокрушение этого окаянного царства проклятой «благодати». О, вот где терялась религия, Бог и все десять заповедей. Терялись — с радостью, терялись с единою надеждою. «Потерять Бога» значило «найти все». Потому что в человеческом сердце как-то живет: «Бога-то еще я не очень знаю, он туманен. Но мне на земле дано любить человека, прижаться к человеку: и если Бог этому мешает, если Бог не научает, как помочь человеку, — не надо и Бога». Да и хуже, чем «не надо»: произносились слова такие, что и страшно повторять. И произносились — в детстве, а стариком страшно повторить.

И так мы все росли, целое юношество целого поколения. Даже не одно поколение, так как я уже очень стар. Приблизительно со 2-го курса университета, проезжая в Нижний, я услышал разговор мужиков рабочих о Курбатове, мучном торговце в Нижнем, который отправлял свои баржи с хлебом в разные концы России. Курбатов, Блинов — это нижегородские старообрядцы. И вот говорят мужики про свои личные дела, про свои деревенские дела, и краем голоса — про большие нижегородские дела, ярмарочные дела. И говорят они совсем не тем голосом, как учился я все время в университете и в гимназии, из Шпильгагена и Лассалья и Прудона; как в гимназии еще я вычитывал в книге Флеровского[10 - Флеровского — Флеровский (В. В. Берви). «Положение рабочего класса в России». СПб., 1869.]: «К положению рабочего класса в России». Это была толстая основательная книга, с таблицами. И, появившись в 70-х годах, она была раннею зарею теперешней нашей революции, конечно.

Крестьяне, из сельца Черняева, верстах в 30 от Нижнего по направлению к Москве, говорили, как я помню, что «если бы не отец Курбатов (имя и отчество я забыл), то все они погнили бы с голодухи». Они выражались как-то хлебно, рабоче. И говорили, что он и из деревни хлеб берет, — и дает зарабатывать на пристанях. «Куль хлеба несят»[11 - «Куль хлеба» — роман С. В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» (1873).], — припомнил я из книги Максимова, народника, по заголовку популярной его книги — «Куль хлеба». Меня поразила эта беседа мужиков «про свои дела», так непохожая на то, что я читал «из Лассалья и Прудона». Там ненависть и перспективы отчаяния. Здесь любовь и явная благодарность. Но там, однако, наука. Хотя и здесь тоже явно ощущение. А главное ощущение человека всегда чего-нибудь стоит. Конечно, человек ошибается, думая, что «Земля неподвижна», а «Солнце встает», однако смотреть, как оно «встает поутру», — так счастливо, и за все это по мелочам скажешь: «Слава Богу».

Я перестал размышлять и о Прудоне и о Лассале, а стал присматриваться, как «по мелочам» складывается жизнь и как где людям живется хорошо, а где — не хорошо. И вот за всю жизнь, уже за сорок лет наблюдения, вижу и выдаю: везде, где людям живется деятельно, работяще, трудолюбиво, — там живут они и хорошо, а где нехватка работы — живут не просто плохо, а — окаянно. Тут не только что не хватает в хозяйстве, но от хозяйства действительно все перекидывается и на душу, на мораль: наступает такое настроение души, что Бога клянeshь, жизнь клянeshь и сам как-то становишься проклят. Но дело-то действительно в «работишке» и «заработной плате». Все дело — «в Курбатове», говоря лично и местно, говоря о Нижнем Новгороде и не восходя к планете.

Собственно, для меня сделалось совершенно очевидно, что всякая данная местность живет худо или хорошо от прихода в эту местность или от зарождения в этой местности людей с инициативой, соображением, с каким-то широким раскатистым глазом и духом, которые решились бы «начать», а «уж мы — при них». «Как», «что» начать — вопрос десятый. Мы, ленивые и недогадливые, — ко всему примкнем. Ко всему пристанем и поможем. Но у нас нет смекалки, нет, собственно, — воображения. Нет и смелой предприимчивости. Нет вот этих, собственно, практических даров, хотя теоретические дары, может быть, и больше. Я пою песни, я говорю сказки, наконец, я способен к мысли и философии: но неумел в жизни. И вот, уверен: переспроси кого угодно, переспроси миллионы людей, и все эти миллионы равно скажут, что они готовы кое в чем поступиться, кое в чем дать выгоду перед собою тароватому практически человеку, лишь бы выдумал что-нибудь, решился на что-нибудь, завел промысел, «дело», и, припустив нас к работе своей, к помощи себе, — дал, однако, и нам существовать. Собственно, тут нет даже «несправедливости» в мнимом «экономическом преимуществе» тароватого человека: дело в том, что он зато не знает песен, сказок и, может быть, не имеет прелестной семьи или удачно любви — как я. Может быть, он имеет большую любовь, обширную любовь, но — продажную, покупную, которая ничего, на мой взгляд, не стоит. Во всяком случае, в сумме психологических богатств, сумме здоровья и долгой жизни, в смысле спокойной жизни — я даже счастливее его, или не менее счастлив, чем он, если и беден или если очень ограничен в средствах. И вот потому охотно даю ему из своих «грошиков» кое-что, именно ту часть, из-за которой Прудон все собственности называл «кражею», если он изобретательностью и предприимчивостью «дал мне жить», хотя и бедно.

Я понял, что эти расчеты на бумаге у политико-экономистов если и верны, то верны лишь алгебраически, а не в «именованных числах» пудов, фунтов, месяцев, мер веса и времени. И они верны «вообще в мире», но неверны «в нашей Нижегородской губернии», и еще обобщение: что они верны у Лассалья и Шпильгагена, но не имеют никакого применения ко мне, обывателю. Из-за чего же я сердился? А я горел. О, как горел!

Мне представилось, что весь вопрос о деятельных людях и в деятельных живых, оживленных местностях. И что вот талант — «зажечь местность деятельностью» есть в своем роде пушкинский дар, лермонтовский дар. Именно оттого, что я так пережил это в огорчениях души, и еще немного потому, что сам я решительно неизобретателен и даже скрытно ленив, — я оценил эти практические дары, думаю — редчайшие и труднейшие дары человека, самую высокую мерю, ни в чем не уступает их подвиг и дар поэтам и философам. Всегда мне представлялось, что люди, как Курбатов, Сытин, Морозов, суть как бы живители местностей, а в сумме золотых голов своих и энергией — живители всей России. Тут соединились в моем представлении сведения о Петре Великом: я читал, ребенком почти, как царь иногда шел «по улице под руку с каким-нибудь фабрикантом». Я читал в таком возрасте, что не понимал еще разницы между фабрикантом и рабочим: и, зажав место в книге пальцем, — кинулся к матери рассказать, что «Царь иногда ходил, разговаривая, под руку с рабочим». Мать не поняла или не расслышала и ничего не сказала. Но мысль, что «вот так можно делать», — очаровала меня. В бедноте детской жизни мы знали только фабричных с фабрики Шиповых и Мухиных, в Костроме. Но жизнь бедных всегда была мне понятна. И вот вдруг это представление, на место социал-демократического, алгебраического.

Э! была бы оживлена местность! Были бы хорошие базары! Было бы много лавочек. Мастерских бы побольше, контор. Фабрики мне представлялись еще слишком страшными. Погуше бы были городские ряды (центральный базар в Костроме). И тогда — все будет хорошо, в нашем Нижнем, в Новгороде хорошо. А Шпильгагена и Лассалья — побоку. Все это какая-то астрономия политической экономии, от которой ни тепло, ни холодно. «Солнце, может быть, и не встает: а Богу молишься все-таки на встающее солнце». Жизнь играет и может век играть, может века играть — если люди живы, деятельны, предприимчивы, скромны и трудолюбивы. А если нет — то люди на одном поколении, на глазах одного поколения — передохнут в голоде, отчаянии, злобе. Нужно заметить, что эту гибель людей от нужды я конкретно видел в детстве. Не буду скрывать, что именно так погибла наша собственная семья — от «неудавшейся работы», от того, что «негде было работать», и вообще от того, что не было около деятельного и заботливого человека.

Примечания

1 сам друг мой — П. П. Перцов.

2 «В сем одеянии...» — Н. М. Карамзин. История государства Российского. Т. IX, гл. 2.

3 безобразная бессудность над офицерами и неугодными матросами — речь идет о расправах революционных матросов над адмиралом Р. К. Виреном и флотскими офицерами в феврале-марте 1917 г.

4 на середину Роны — На Роне стоит Лион, где во время Великой французской революции свирепствовал якобинский террор; потоплениями заключенных были известны власти Нанта, находящегося на Луаре.

5 «русский бессмысленный и жестокий бунт» — А. С. Пушкин. Капитанская дочка, гл. XIII.

6 «Былом» эпохи Бурцева и Богучарского — журнал «Былое», посвященный истории русского освободительного движения, издавался в 1900–1904, 1908–1913 гг. за границей и в 1906–1907, 1917 гг. в России. В 1906 г., в № 12 в нем были напечатаны материалы о «чигиринском деле» (в это время журнал редактировался В. Л. Бурцевым, В. Я. Богучарским и П. Е. Щеголевым): попытке землевольцев Я. В. Стефановича, Л. Г. Дейча и др. поднять крестьянское восстание, воспользовавшись подложным царским указом (1877).

7 «всякая собственность...» — основной тезис известного сочинения Прудона «Что такое собственность?» (1840).

8 «Железный закон» — Железный закон заработной платы, по которому заработная плата определяется минимумом средств существования, необходимых для поддержания жизни работника и его семьи, приобрел популярность в изложении Ф. Лассалья, например, в его «Гласном ответе Центральному Комитету» (1863).

9 Лео Гутмана — Прообразом героя романа Ф. Шпильгагена «В строю» (1866), который стал известен в России под заглавием «Один в поле не воин», считается Ф. Лассаль.

10 Флеровского — Флеровский (В. В. Берви). «Положение рабочего класса в России». СПб., 1869.

11 «Куль хлеба» — роман С. В. Максимова «Куль хлеба и его похождения» (1873).